

В.М. Кулькина

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ИНДИВИД ПОЛА ОСТЕРА (НА ПРИМЕРЕ «НЬЮ-ЙОРКСКОЙ ТРИЛОГИИ»)

В статье дается краткий обзор зарождения нового этапа развития американской литературы, заключающегося, в частности, в появлении нового типа героя с особыми признаками «коллективного индивида». Его появление характеризуется слиянием философских и литературоведческих категорий, что наиболее ярко проявляется в «Нью-Йоркской трилогии» Пола Остера.

Ключевые слова: постмодернизм; Пол Остер; Нью-Йоркская трилогия.

Article reveals the summary of origin new the stage of development of the American literature expressed in emergence of new type of the hero with characteristic signs of «the collective individual» is made. Its emergence is characterized by merge philosophical and literary categories that is most brightly shown in «The New York trilogy» of Paul Auster. Research represents a new view on the person (character) in the society. Innovative for the American literature the view on the reader as the person capable to make spiritual jump from the idea of selectness of the USA to sacral truth of vision of the American nation as parts of mankind. Work is based on works of the Russian philosophers, supporters of intuitionism (N.O. Lossky) and gnoseology (N.A. Berdyaev).

Keywords: postmodernism; Paul Auster; the New York trilogy.

Начало нового века в литературе США характеризуется ломкой внутренних категорий американского постмодернизма, связанной с реакцией на события 11 сентября 2001 г. Точка зрения СМИ воспроизводилась в сюжете многих новых американских романов. Американские литературоведы (А. Келли, Б. Макхейл и др.) обращались к истории как источнику «сюжетных линий», обстоятельств, возможностей, которые формируют историческую мета-

прозу. Писатель получает возможность предъявлять свое право на изображение событий прошлого (Siegel, 2012, с. 132). В итоге американская деконструкция, т.е. набор аналитических приемов и критических практик, которые призваны показать, что любой текст всегда отличается от самого себя в ходе его критического прочтения (в том числе собственным сознанием) (Ильин, 1998, с. 174), претерпевает своеобразную метаморфозу.

Современный американский роман пребывает в состоянии так называемого «постмодернистского разворота», *возвращения к традиционному / старому* (Hassan, 1987). Повествовательная цепь постпостмодернистской прозы, представленная в виде рассказа, заключенного в одной или нескольких историях, определяется рядом факторов. Их сформулировал американский литературовед Р. Маклафлин (McLaughlin, 2013, с. 285–295). Во-первых, это политический и культурный консерватизм, противостоящий авангардной культуре постмодерна и стремящийся переосмыслить духовную и культурную деградацию масс. Во-вторых, это исчерпанность иронии, приведшая к истощению языка и идеологическому цинизму в обществе, заимствование литературных черт массмедиа (в частности такой как фрагментарность). В-третьих, это шок от событий 11 сентября 2001 г., который разрушил надежду на возрождение метанарратива¹ о Востоке и Западе. И, наконец, глобализация – основополагающий фактор экономических, международных и межкультурных отношений, с помощью которых Запад определяет мир с точки зрения получения прибыли, источников дешевой рабочей силы, открытых рынков для инвестиций. Связь постмодернизма как художественного метода с формами производства первым определил Ф. Джеймисон. *Заслуга американского философа и критика состоит не только в осмыслении определенной мировоззренческой ситуации, представляющей постмодернизм теоретическим отображением мироощущения современного человека, дезориентированного миром новейших технологий и властных структур, но и в попытке отыскать и показать пути ее преодоления.*

¹ Метанарратив – это исторический нарратив, будущее в нем предстает одновременно как прогнозируемое и как желаемое. Метанарратив содержит одновременно и предсказание о том, как будет, и предписание, как должно быть, и эти аспекты в нем соединены в нерасторжимое целое. См.: (Маслов, 2015, с. 150–152).

Джеймисон выделяет три основные стадии капиталистического развития.

1. Рыночный капитализм, складывавшийся в XVIII–XIX вв. (преимущественно в Западной Европе и Северной Америке) на базе парового двигателя, связан с эстетикой реализма.

2. Монополистический капитализм, существовавший с конца XIX до середины XX в. (до Второй мировой войны), переход на электричество и двигатели внутреннего сгорания, соответствуют эстетике модернизма.

3. Мультинациональный или потребительский капитализм, сложившийся после Второй мировой войны (с упором на перераспределении и потреблении благ), ассоциируется с развитием электронных и ядерных технологий, а в искусстве – с эстетикой постмодернизма.

Следуя этим «экономическим» рамкам культуры, американская литература XX в. тематически развивалась в ипостасях двух «национальных идей»: 1) сделай себя сам (У. Фолкнер, Ф.С. Фицджеральд, Т. Драйзер); 2) дом, семья, достаток (Ф. Рот, Дж. Апдайк, Т. Капоте).

Пол Остер выбрал для своего творчества наиболее «просторное» поле деконструкции романной формы. Изучаемой им темой стала цивилизация, взявшая на себя роль Бога в контроле над истиной, в поисках которой пребывает каждый человек. В его сознании формулируется возможность свободы от противоречий современного мира, допускается, что «возможность» может превратиться в *реальность*. Но для этого необходима воля человечества, что приравнивается к утопии. Один из признаков классической утопии – совпадение рассказа свидетеля о действительности с ее описанием героем / писателем. Антиутопия выступает как контрапункт утопии. Один из признаков антиутопии – посвящение в тайны исчезающего пространства, изображение распадающегося мира, смятение чувств и мыслей наблюдающих за этим процессом людей.

Пол Остер описывает кризис действительности как истину, не нашедшую отражения ни в утопии ни в антиутопии. Он видит существование эмпирической реальности этого *реального* мира и таким образом избегает лжи. Словами героя «Нью-Йоркской трилогии» профессора Колумбийского университета Стиллмена писатель выражает свою позицию: «Ложь – это грех. Солжешь – пожалеешь, что на свет родился. А не родиться на свет – значит быть проклятым. Быть обреченным жить вне времени. А когда живешь

вне времени, ночь не сменяется днем. Тогда даже смерть обходит тебя стороной. Ложь невозможно искупить. Даже правдой. Как отец я хорошо это знаю. Помнишь, что случилось с отцом-основателем нашей страны? Он срубил вишню, а потом сказал своему отцу: “Я не могу солгать”. Вскоре после этого он выбросил в реку монетку. Эти два события имеют для американской истории основополагающее значение. Джордж Вашингтон сначала срубил дерево, а затем выбросил деньги. Ты понял? Тем самым он поделился с нами высшей правдой. Деньги, хотел сказать он, не растут на деревьях. Оттого-то у нас такая великая страна. Теперь портрет Джорджа Вашингтона красуется на деньгах». Таким образом, Стиллмен, представитель американского истеблишмента (Колумбийский университет как часть «Лиги плюща», и Стиллмен как ее представитель), воплощает в себе приоритет интересов государства, осуществив эксперимент над собственным сыном. Так он подтверждал право власти над своим населением, над реальными людьми.

Методологией Пола Остера в «Нью-йоркской трилогии» стало применение идеи пяти ипостасей человека. Для того чтобы прояснить сложность внутреннего мира человека в ситуации глобальной реструктуризации бытия и противоречий геополитики, Пол Остер персонифицирует внутренние противоречия личности в образах героев первого романа трилогии «Стеклянный город»: самого автора, Даниэля Квинна, Макса Уорка, Уильяма Уилсона. Индивид предстает в расщепленной форме отдельных личностей, несовпадение личностных свойств которых отражает парадоксальные внутренние противоречия современного человека.

Перед читателем раскрывается образ **«коллективного индивида»**. Это определение носит не правовой или социальный, а философский характер, в основе которого лежит философия интуитивизма.

Сама идея о сложности личности и актуальности роли самосознания влияет на формирование нового подхода к гносеологии: «Если классический рационализм с его чрезмерной склонностью к “чистому интеллектуализму” пошел по этому пути вполне сознательно, то эмпиризм оказался на нем *de facto*. Справедливо указав на опыт как на основу всякого знания, он, однако, свел его к чувственному восприятию реальной действительности и тем самым привел к “обесмысливанию” последней» (Новиков, 2000, с. 216–217).

Проза Пола Остера ориентирована на созидание себя, но не как «дельца», творца материальных благ. Она переориентирована на духовное познание мира, в частности на интуитивизм. «Интуитивистская онтология исходит из идеи признания трех основных видов бытия: реального, идеального и металогического. Реальное (материальное) бытие, как низшая его ступень, имеет пространственно-временную форму, доступную чувственной интуиции. Основной формой истинной бытийности, обуславливающей бытийность материальной реальности, является идеальное бытие. И, наконец, металогическое бытие является в образе некоего “сверхкосмического принципа”, именуемого то Богом, то Логосом» (Новиков, 2000, с. 221).

Один из последних романов писателя «Невидимый» (2009) поднимает вопрос о невозможности рационального подхода к познанию противоречий современной жизни, т.е. о ситуации, когда логика уже не способна отделять плохое от хорошего, видеть границы добра и зла. Человек должен учиться улавливать разницу и чувствовать *невидимое*. В этот момент автор и предлагает познавать себя в пространстве своего художественного мира: «Познание становится реальностью, когда заканчивается пассивный процесс восприятия **объекта** и начинаются активные действия **субъекта**, связанные с ответной реакцией с его стороны на сигналы объекта, как-то: внимание, сравнение, различение и т.п.» (там же, 221). В случае Д. Квинна к действию его обращает встреча с Остером, он принимает на себя личину писателя, при этом выдавая себя за сыщика, и начинает вести дневник, в котором пишет: «Самое же главное: помнить, кто я такой. Помнить, кем я должен быть. Непохоже, чтобы это была игра. С другой стороны, пока никакой ясности нет. Например, сам-то ты кто? У меня нет ответа. Могу сказать только одно: слушай меня. Меня зовут Пол Остер. Это не настоящее мое имя» (Остер, 2010, с. 71).

Однако исходя из логики русского интуитивизма, знание таковым становится тогда, когда формируется опыт, обусловленный не действиями субъекта (в нашем случае Квинна), а его мировоззрением и оценкой окружающего мира. А знания о мире у Квинна поверхностны, они в его книгах, в детективах, которые он пишет по две штуки в год. Держателем (и содержанием) его знаний является герой этих детективов – Макс Уорк, «от лица которого велось повествование, он раскрыл целую серию тяжких преступлений,

прошел через нечеловеческие испытания, был неоднократно бит, несколько раз едва избежал смерти, и Квинна его подвиги несколько утомили» (Остер, 2010, с. 25). Такая «опора» для субъекта, источник его «синтетического опыта», или содержание его знания, – **предикат**, третья ипостась сущности человека.

«Уорк и Квинн сблизились. В отличие от Уильяма Уилсона, который оставался для Квинна абстракцией, Уорк с каждой следующей страницей обретал плоть и кровь. В этой триаде Уилсон был своего рода чревовещателем, сам Квинн – объектом, а Уорк – исходящим из “чрева” голосом, ради которого все и затевалось. Если Уилсон и был иллюзией, он тем не менее оправдывал существование Квинна и Уорка. Если Уилсон не существовал, он тем не менее был мостом, который соединял Квинна с Уорком. И мало-помалу Уорк вошел в жизнь Квинна» (там же). Такой синтетический опыт, полученный объектом через выдуманного персонажа, объединенный с таким же иллюзорным Уилсоном, стал **рассудком** Квинна, с помощью которого он анализировал и проводил опыты (в своих книгах) над окружающей его реальностью. Бессилен Квинн оказался исключительно перед последней своей ипостасью – **интуицией**. «Эффективность и надежность интуиции, как инструмента формирования знания, и состоит в том, что она “схватывает” объект “в подлиннике”, а не в отраженном облике, не в копии» (Новиков, 2000, с. 227). Телефонный звонок, как некий вызов в иную реальность, мир за пределами книг героя заставляет Квинна искать свою истинную сущность – объект, т.е. Пола Остера, человека, которого вызывает металлический голос из телефонной трубки и которым с третьей попытки Квинн назвал себя в ответ на звонок. Квинн встречает Пола Остера, тот обещает содействие и не имеет ничего против использования его имени другим человеком. Так Квинн начинает свой путь в *металогическое бытие, в мир «сверхкосмического принципа», именуемого Логосом*.

Как правило, понятие коллективного индивида представляет собой альтернативное название нации как части объективной реальности (государства). Коллективный индивид обладает всеми базовыми потребностями, общей волей, самосознанием, способностью единого и целенаправленного коллективного действия. Однако идея Остера состоит в том, чтобы «развернуть» ипостаси человеческого индивида с потребительства материальных благ на интуитивное видение себя частью человечества. Таким образом,

Остер призывает читателя совершать духовный скачок от веры в истинность своего бытия (избранность США среди всего человечества) к вере в сакральную истину (видение американской нации как части человечества).

Список литературы

1. Видеман В. Преодоление модерна. – Режим доступа: <http://www.guzmanmedia.com/gm3/postmod.htm> (Дата обращения: 28.06.2016.)
2. Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия. – М.: Интрада, 1998. – 256 с.
3. Маслов Е.С. Понятие «метанарратив» Ж.-Ф. Лиотара в контексте нарратологии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 2 (52), Ч. 2. – С. 150–152.
4. Новиков А.А. Пять ипостасей русского интуитивизма // Философия науки. – М., 2000. – Вып. 6. – С. 216–217.
5. Остер П. Нью-йоркская трилогия. – М.; СПб.: Эксмо: Домино, 2010. – 416 с.
6. Hassan I.H. The postmodern turn: Essays in postmodern theory and culture. – Columbus: Ohio state univ. press, 1987. – 267 p.
7. McLaughlin R.L. After the revolution: US postmodernism in the twenty-first century // Narrative. – Columbus: The Ohio state univ. press, 2013. – Vol. 21, N 3. – P. 285–295.
8. Siegel J. The plot against America: Philip Roth's counter-plot to American history // MELUS. – Storrs: Univ. of Connecticut, 2012 – Vol. 37, N 1. – P. 131–154.